

• СОДЕРЖАНИЕ •

Татьяна Устинова

КОВЧЕГ МАРКА

7

Татьяна Полякова

КАРАОКЕ ДЛЯ ДАМЫ С СОБАЧКОЙ

215

Анна и Сергей Литвиновы

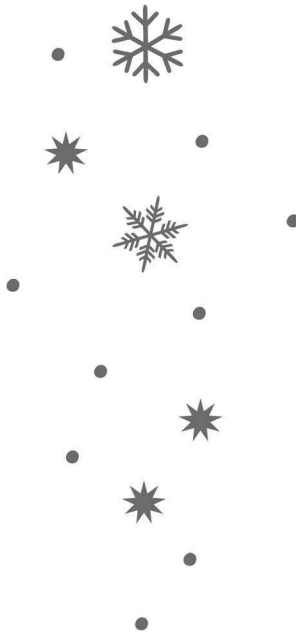
РЕВНОСТЬ ВОЛХВОВ

441

Татьяна Устинова
Ковчег Марка

К уда?! С ума сошел?!
Марк и ухом не повел, сунул ботинок в крепление. Привычно шелкнул замок, и он поболтал ногой, проверяя. Все в полном порядке — как всегда.

— Нет, я не понял. Сдурел совсем?!

Марк нагнулся и поднял палки, которые завалились, когда он дрыгал лыжами, и только после этого оглянулся. Кузьмич стоял в двух шагах, от возмущения даже шапку свою знаменитую сдернул, снег падал на голову, не таял, и нападало его уже порядочно, холмиком.

— Ты бы лучше палки мои посмотрел, Кузьмич.

— Чего на них смотреть, я сто раз смотрел! А иди сегодня нельзя. Ты прогноза не слышал, чокнутый!?

— Шапку надень. Башку застудишь.

— Марк, твою мать, нельзя сегодня! Метеорологи три раза предупреждали!

— Мы с тобой дольше базарить будем.

— Да не надо со мной базарить, я сказал — не пушу!..

Из-за угла дома, вокруг которого метель уже намела небольшой сугроб, появился Вик и остановился в отдалении. Он не любил ссор и никогда в них не участвовал.

Марк толкнулся тихонько, слегка, просвистел рядом с Кузьмичом — тот неловко, как куль, шатнулся в сторону, как будто Марк на самом деле мог его задеть, — и выскочил на лыжню. Ее было почти не видно, снег усиливался с каждой минутой, как будто марля колыхалась между деревьями. И ветер налегал все ощутимей.

...Может, прав Кузьмич? Может, не ходить сегодня?..

Если бы тот не стоял у него за спиной, не притоптывал на месте от возмущения, не сдергивал с бритой головы шапку, может, он и не пошел бы, а так...

— Я на час, не больше.

— Да пропади ты пропадом в лесу этом! Связи, может, уже через пятнадцать минут не будет, кто тебя спасать пойдет?! Я не пойду, точно тебе говорю!..

Марк опустил на нос очки, толкнулся и пошел вполсилы, принаравливаясь к непривычным палкам. Вроде и скорость небольшая, а ветер сразу засвистел и заулюлюкал в ушах, острый снег заколол нос и щеки и как-то моментально стал забиваться под воротник. Не слишком приятно, и кожу теперь натрет до крови — ни умыться, ни побриться!.. Впрочем, какая разница.

Трассу он знал так, что мог пройти по ней ночью с закрытыми глазами, связанными руками и ни разу не ошибиться.

Он набрал скорость. Сейчас небольшой спуск с уклоном влево, потом короткий подъем, лошинка, очень неудобная, потому что в ней все время заносит, и затяжная горка, которую нужно обрабатывать уже вовсю.

Марк контролировал дыхание, даже принялся считать, чего не делал почти никогда со времен розовой юности — раз, два!.. Ррраз, два! Чуть посылнее. Раз, два! Еще чуть нажать, вот так, хорошо!

Считал он потому, что в такую метель на самом деле еще не выходил ни разу, ему странно было, что он почти не видит лыжню, и это мешало, отвлекало от работы, которая только началась.

...Кузьмич постоял немного, глядя под горку в лес. Никого и ничего уже не было видно, только снег сыпал прямо перед глазами и хотелось отдернуть его рукой, как занавеску. Потом посмотрел на часы, поднеся запястье почти к носу.

Будем надеяться, что за час лыжню не засыплет окончательно. Чего там надеяться, когда ясно, что засыплет!.. Большой ладонью он крепко отер голову, напялил шапку, немного подумал, не плюнуть ли вслед, и плевать не стал.

Кузьмич был суеверен, хотя никому и никогда в этом не признавался.

Темная громада лиственничного дома, казалось, покачивается из стороны в сторону за пеленой только расходившейся метели, а лес за ним совсем пропал, сгинул, не стало его.

Головой вперед, раздвигая метель, Кузьмич пошел к высокому, в несколько ступенек, крыльцу под резным затейливым навесом. Неопределенная тень приблизилась и остановилась в отдалении.

— Чего ты там мнешься? — спросил Кузьмич, не оборачиваясь. — Ушел, да. А я чего могу?!

Он вошел в просторные сени, и, не отряхиваясь и не раздеваясь, рванул вторую дверь. Оттуда сразу пахнуло теплом и привычными запахами, кажется, даже где-то музыка играла. Марк, что ль, забыл выключить?..

В просторном помещении было совсем темно, несмотря на то что на улице вроде день, и от этой темноты крошечной Кузьмич окончательно и сильно рассердился.

...А что, свет нельзя зажечь?! Так и будем впотьмах ковыряться?

В глубине коридора показалась высокая фигура в домашних пижамах и расшитом свитере.

— Ушел! — гаркнул Кузьмич, как будто фигура о чем-то его спросила. — Сказал, на час, не больше.

Он сдернул куртку, с которой капало, швырнул ее на пол и пошел по коридору в самую дальнюю комнату. У двери содрал шапку и запулил ею в куртку. Молчаливая фигура, сделав неуловимое молниеносное движение, на лету поймала шапку, потом подошла и подняла куртку.

Кузьмич медлил на пороге.

— Генератор бы надо проверить, — помолчав, молвила фигура.

— Без вас давно проверил!

— Карабины?

— В порядке карабины!

— Военных нужно предупредить.

— Ну, поучите меня, поучите!..

Фигура еще какое-то время маячила в коридоре, а потом канула неизвестно куда.

Кузьмич вошел в комнату, уставленную сложной аппаратурой, железными шкафами, ящиками и стеллажами. Почему-то она называлась «оружейной», хотя из оружия в ней хранилась всего пара винтовок.

...Если дело так пойдет, свет вырубится самое большее минут через сорок. Хорошо, на прошлой неделе солярки завезли много, на какое-то время хватит. Кузьмич никому ни в чем не доверял — ни людям, ни погоде, ни природе — и всегда делал запасы. Иногда его запасы разрастались до стратегических масштабов, из-за чего у них случались стычки с Марком, который был абсолютно уверен в себе и считал, что всегда найдет выход из любого положения. Кузьмич же считал, что такая самоуверенность проистекает исключительно от молодости, с Марком старался не спорить, а запасы хорошенько маскировать.

Он прошагал к железному широкому столу, зачем-то посмотрел в окно — ничего не видно, только снег валит! — и стал по очереди

включать тумблеры. Пульт отозвался, загудел утробно, как шмель, загорелись зеленые огоньки. Кузьмич дернул на себя продавленное кресло, покрытое какой-то неопределенной шкурой, сел и пристроил на бритую голову наушники — одно ухо выше другого.

— Орел, Орел, вызывает кордон «полста-три». Как слышите, Орел?..

В наушниках затрещало, как будто тряпка порвалась — почему в них всегда трещит?! И пятнадцать лет назад трещало, и десять, и сейчас трещит! А все говорят — технологии, технологии! Вперед, мол, ушли технологии эти! Куда они ушли, если в наушниках как трещало, так и трещит до сих пор?!

В данную секунду Кузьмича злило все, и технологии тоже.

— Орел, кордон «полста-три» вызывает, как слышно?..

— Слышу отлично, «полста-три», — отозвался из наушников далекий голос, прерываемый треском. — Ты, что ль, Кузьмич?..

— Я, я.

— Чего у вас?

— У нас человек в лесу. Ушел, — он мельком глянул на часы, — в двенадцать часов четырнадцать минут в направлении Галыгина. Штатно должен вернуться в тринадцать пятнадцать. Слышишь меня, Орел?

Треск в наушниках, и больше ничего.

— Орел, как слышно, прием?

— Кузьмич, вы чего там? Обалдели?! — грозно спросили сквозь помехи. — Штормовое предупреждение еще когда объявили! Башки, что ль, ни у кого нет?! Шутки, что ль, тут все шутят?!

Кузьмич старательно прожевал длинную матерную тираду, не предназначенную для радиозэфира, а предназначенную как раз для ушедшего в сторону Галыгина Марка. Прожевал, а в микрофон сказал:

— Орел, в случае нештатной ситуации связь в пятнадцать ноль-ноль.

— Принял, кордон «полста-три», вашу мать! Только вас нам не хватает, вашу мать!.. Прогноз по ветру знаете?

— Знаем.

— В вашем районе группа туристов со вчерашнего дня на связь не выходит. От Васюганской горки на восток вышли в сторону Тугаринских сопок и пропали, мать их, козлы!.. Ты там посматривай, Кузьмич!

— Есть, принял.

— У тебя соляра в достатке? Перевал закрыли.

— В достатке, Орел. До связи.

— До связи, кордон «полста-три».

Кузьмич сдернул наушники, зацепил одним «ухом» за край железного стола и еще посидел немного.

...Попробуй останови его, если он что себе в голову заберет! Он заберет, а Кузьмич — валяй, разгребай! Эмчезсовцам звони, объясняй, по шее получай! А самое главное — сиди вот теперь, жди.

Жди и гадай — вернется или нет.

Жди и думай — дойдет или пропадет.

Жди и молчи — скулить или материться вслух запрещено.

...Марк стал тем, кем стал, только и исключительно потому, что остановить его не было никакой возможности, что бы он ни забирал себе в голову. Кузьмич знал это его качество, уважал и считался с ним, но — твою мать! — хоть иногда-то нужно прислушиваться к тому, что старшие говорят!

Свет замигал, но не погас. Кузьмич выключил станцию, вышел в коридор, где по-прежнему было темно, разыскал на вешалке пуховик, который давеча швырнул на пол, и нахлобучил шапку. Снаружи возлились, что-то глухо стучало о пол. Он толкнул дверь и вышел в сени.

Наружная дверь была распахнута настежь. Безмолвная фигура, по самые глаза закутанная от лепившего снега, молча и сосредоточенно складывала вдоль лиственничной стены дрова. Кузьмич обошел ее и сбежал с крыльца, оскальзываясь на заметенных ступенях. Перед крыльцом под навесом стояли деревянные сани, доверху нагруженные поленьями. В несколько приемов Кузьмич перекидал тяжелые сырые дровины на крыльцо.

— Вик следом ушел, — проинформировала фигура без всякого выражения.

— Хорошо.

Он пошел вокруг дома — ноги вязли в снегу, и дорожки почти совсем замело, — дошел до того места, откуда вроде бы начиналась лыжня, остановился и посмотрел.

Никого и ничего. Только взбесившийся снег.

От леса, который был в той стороне, куда ушел Марк, потихоньку поднимался странный и ровный гул — ветер усиливался, не ошиблись метеорологи. Впрочем, это из телевизора вечно про погоду глупости говорят, а военные почти никогда не ошибаются.

Кузьмич повыше подтянул «молнию» и застегнул «липучки» на воротнике, который сразу закрыл всю нижнюю половину лица, как маска. Воротник был мокрый от снега, противный.

Он вернулся к дому и проверил морской канат, протянутый по всему периметру через металлические кольца. Когда поднималась серьезная пурга, ходить можно было только так, держась за канат.

Два шага в сторону, и все, пропадешь. Мозг, вовлеченный в буйство метели, моментально теряет направление, можно уйти в сторону и замерзнуть в ста метрах от собственного дома. Сколько таких случаев бывало!..

Стараясь не смотреть в метель, за которой был лес, а в лесу Марк, Кузьмич дошел до ангара. Загремела металлическая дверь, зажглись под потолком мощные лампы.

Здесь помещались два снегохода, широченный, мощный ратрак и небольшой тракторишка, на котором ездили в распутицу. В углу был резервный генератор, на случай если откажет основной, стратегические запасы солярки, о которой не знал Марк, и тьма всяких секретных станков и приспособлений, необходимых Кузьмичу для его работы.

Иногда, пребывая в хорошем настроении, Марк называл Кузьмича Мерлином и решительно отказывался объяснять, кто такой этот самый Мерлин есть!..

Погладив ратрак по красному полированному боку, Кузьмич зашел за него, достал из металлического ящика несколько фальшфейеров и, сердито сопя, рассовал их по карманам. На полке в ряд стояли фонари, от огромных, напоминавших переносные прожекторы, до маленьких, карманных. Кузьмич нацепил поверх шапки налобную лампочку, прихватил с собой еще одну и самый большой фонарь.

Больше в ангаре делать было нечего.

Кузьмич вышел, сильно прихлопнул дверь и заложил перекладной, чтобы ее не распахнуло ветром.

Лес под горой уже не стонал, а гудел, грозно, трубно.

...Вернись, мысленно велел Кузьмич Марку. Ты ж не дурачок малолетний, а взрослый, умный мужик!.. Видишь, чего творится!

И с надеждой вновь посмотрел туда, где вроде бы еще утром была лыжня. Ничего и никого не было видно, и он двинулся дальше, на ходу проверяя металлические вешки с натянутым морским канатом.

В его собственном доме было совсем темно и тихо, пахло парафином и лыжной мазью, самый лучший запах на свете. Дом состоял из трех комнат — на кой ляд ему одному столько, непонятно, только уборки больше, но Марк так решил. А если он чего решил, с места его не сдвинешь!.. Одна называлась какая-то гостиная — на кой ляд ему гостиная, кто у него гостит-то! — а еще спальня и столовая! У всех нормальных людей кухня бывает, а у него столовая!

На кой ляд ему столовая...

Он замер посреди этой самой столовой и проворно сдернул с головы шапку.

14 Показалось или нет?..

Еще секунду он прислушивался, потом выскочил за дверь и помчался к большому дому. На горке поскользнулся, чуть не упал и, трудно дыша, подбежал к высокому крыльцу.

Безмолвная фигура, закутанная по самые глаза, выступила из метели ему навстречу.

— Там, — сказала она и показала в лес.

— Точно?

— Со стороны Галыгина.

И оба замолчали, прислушиваясь.

Лес гудел, и ничего нельзя было расслышать в его вое.

Кузьмич поднялся на крыльцо — никаких дров уже не было в снях, — добежал до «оружейной», включил и настроил портативную рацию, зацепил ее за пояс и проверил, хорошо ли держится. В коридоре стянул унты, толкнул дверь в соседнюю комнату, где хранилось снаряжение, выбрал лыжи, палки и ботинки и стал обуваться.

Безмолвная фигура маячила в коридоре.

— Из чего стреляли? — обуваться было неудобно, Кузьмич говорил глухо.

— Из двустволки, похоже.

— Из нашей?

— Похоже, из нашей.

— Там какие-то туристы застряли, МЧС сказал.

Ответа не последовало.

Кузьмич нацепил на запястье компас, похожий на огромные уродливые часы, и потопал ногами, чтобы ботинки сели надежно.

— Давай.

Фигура молча протянула давно приготовленный рюкзак. В нем всегда держали аварийный запас: медикаменты, бинты, шприцы с обезболивающим. Сбоку приторочены складные волокуши, сработанные местным умельцем, — тащить пострадавшего, если придется.

— Связь в пятнадцать.

Свет по всему дому мигнул раз-другой прощально и погас. Кузьмич зажег лампочку на шапке и вытащил лыжи и палки, сильно загромыхавшие по лиственничному полу.

— В той куртке запасные фальшфейеры. Ракетница где всегда.

Фигура опять промолчала.

Кузьмич вывалился на заметенное крыльцо, и черная тень метнулась ему наперерез. От страха, перехватившего горло, он задохнулся, и его качнуло назад.

— Вик?! Вик, ты вернулся?!

Волкодав припал на лапы, заскулил и пополз. Кузьмич, стараясь дышать, оглянулся на безмолвную фигуру.